

И. Джохадзе

Философия между религией и наукой

(Отклик на статью В.П.Визгина «Поздний Гуссерль: квазирелигия разума как продуктивный тупик»)

«В философии, какой бы архирационалистической и строго логической она себя ни “позиционировала”, важны ее религиозно-мистические “корни”, – пишет в статье «Поздний Гуссерль: квазирелигия разума как продуктивный тупик» В.Визгин. – ...Мы привыкли к тому, что философия судит религию, религиозное мировоззрение. Но на самом деле не меньше правоты за противоположным судом – религиозным над философией. Ведь творческой самопорождающей силы живой истины у философии нет»¹.

По мнению Визгина, «зрелая» феноменология Гуссерля – убедительнейший пример бесплодности философии, оторвавшейся от религиозных корней. Ошибку Гуссерля автор усматривает в «наивном отождествлении философии и науки, философа и ученого». Эта «слепая вера в систему и метод», этот «суперрационализм» и наукоцентризм оказываются неприемлемыми для тех, кто ищет в философии не научную истину, а экзистенциальную правду, кого пленяет не логика и доказательность аргументов, а сила религиозного чувства, мистических озарений и поэтического вдохновения. Как пишет Визгин, всякий не зараженный «теоретической манией» человек верит в то, что мир создан не «трансцендентальным субъектом» Гуссерля или Канта, а Богом (и что этот мир, следовательно, «не имеет смысла сам по себе, в самом себе, а обретает его в сверхмировом... начале»²). Естественная «наивная» установка сознания и жизненного опыта, отвергаемая «рационалистом-фанатиком» Гуссерлем, кажется Визгину осмысленнее и продуктивнее «неестественной» установки феноменологии («если только мы сохраняем... способность оценивать “вещи” по мере их *высшей* истины»³). Причина «философской несостоятельности» Гуссерля – его «религиозная ошибка: обожествление того, что не есть Бог»⁴, заключает Визгин.

Обращает на себя внимание своеобразный дихотомизм, пронизывающий рассуждения автора. Он выражается в настойчивом противопоставлении двух философских стратегий: рационализма («строгой научности») и религиозного, или экзистенциального, мистицизма (подразумевается, что *настоящая* экзистенциальная философия может быть только *религиозной*). Существует «ось науки» – и «ось

¹ Визгин В. Поздний Гуссерль: квазирелигия разума как продуктивный тупик // История философии. 2015. Т. 20. № 1. С. 116.

² Там же. С. 124.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 117.

религии». На первую нанизана философия трансцендентального идеалиста и наукомана Гуссерля, на вторую – живая экзистенциальная мысль С.Кьеркегора, Л.Шестова, Г.Марселя и др. Эти две философские стратегии, по логике Визгина, взаимно контрадикторны.

Философы, которых относят к традиции нерелигиозного, или атеистического, экзистенциализма (Визгину они не близки), иначе ставят проблему и говорят о возможности *третьего, промежуточного* пути философствования, позволяющего избежать крайности логицизма и мистицизма. Этой линии держится, напр., А.Камю с его трихотомией «человек – мир – абсурд»: есть мир, который существует сам по себе, есть человек, который стремится познать мир, рационально осмыслить реальность, и есть абсурд, который проявляет себя в "разладе", несовпадении смысла и бытия, т.е. человеческих представлений о мире – и реальности as it is. Возможны два выхода из этой ситуации, два способа разрешения дилеммы абсурда: радикальный рационализм, с одной стороны, и религиозно-поэтический мистицизм, с другой. Оба они философски самоубийственны. В первом случае логический смысл (понятийная схема) навязывается бытию, во втором – бытие неосмысленное (ускользнувшее от разумного постижения) поэтизируется и обожествляется. Камю иллюстрирует это на примере феноменологии Гуссерля и экзистенциальной философии Шестова и Кьеркегора⁵. В его понимании философия *idealis* (какой она должна быть) располагается в *промежутке* – между логоцентризмом и иррационализмом, строгой (или претендующей на строгость) научностью и «романтизмом».

«“Романтические” философии, – цитирует Гуссерля Визгин, – “волнуют души, подобно стихам”, но все они “тщетны”, представляя в его [Гуссерля – И.Д.] глазах типичное философское дезертирство»⁶. Дезертирство понимается здесь как измена разуму. Продолжая этот метафорический ряд, можно сказать, что задача философа, по Камю, – оставаться в строю, не быть «дезертиром», но и не становиться «солдафоном разума». Как говорит герой Т.Манна, «...стоять посередке... между дезертирством и разумом, – назначение Номо Dei. Ведь и царство его – посередке между мистическим единением и... индивидуализмом»⁷. Нерелигиозная экзистенциальная философия предлагает как раз такое промежуточное решение, она показывает нам, говоря языком Камю, «тот срединный путь, на котором сохраняется ясность интеллекта»⁸. «Внутренняя двузначность, “срединность” философии, – пишет сам Визгин в одной из своих работ, – фундаментальное свойство ее природы. Она всегда “между”: между мифом и разумом, между религией и наукой, между наукой и искусством...»⁹. Но в статье о Гуссерле Визгин, кажется, забывает об этой «срединности» и склоняется к выбору иррационального, который ведет к *подавлению* и *капитуляции* философии, а не ее возвышению.

⁵ «...Мышление может идти к самоотрицанию разными путями – путем как униженного, так и торжествующего разума. Дистанция между абстрактным богом Гуссерля и богом-громовержцем Кьеркегора не столь уж велика. И разум, и иррациональное ведут к той же проповеди» (Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Пер. с франц. А.Руткевича // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.Яковлева. М., 1990. С. 255).

⁶ Визгин В.П. Поздний Гуссерль: квазирелигия разума как продуктивный тупик. С. 106.

⁷ Манн Т. Волшебная гора / Пер. с нем. В.Куреллы, В.Станевич. СПб., 2005. С. 675.

⁸ Камю А. Миф о Сизифе. С. 249.

⁹ Визгин В. Как я понимаю философию // Философский журнал. 2009. № 1. С. 20.